

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2

doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.230-237

АРХАИЧЕСКИЙ ПЛАСТ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИДЕЙНОМ ПОЛЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.А. Нагорнов

*Филиал Самарского государственного университета путей сообщения
в г. Нижнем Новгороде, г. Нижний Новгород, 603011, Россия*

Аннотация

В статье сделана попытка показать, насколько Октябрьская революция оказалась предопределена всем предшествующим ходом русской истории. С этой целью рассмотрены глубинные структуры и закономерности русской революции на основе сравнения положений теории модифицированных инверсионных циклов исторического развития, предложенной российским социологом А.С. Ахиезером, с идеями представителей русской религиозной философии. Вместо господствующего универсалистского взгляда на революцию, с его идеализацией, для анализа ее сущности применен единичный «прерывистый» метод, автором которого является М. Фуко. Выявлена идейная близость во взглядах на русскую революцию современного либерального исторического проекта с базовыми идеями философов Серебряного века русской культуры. Особое внимание уделено «неразвитости», «нераскрытости личности в России» по Н.А. Бердяеву, что наиболее ярко проявилось в феномене революции 1917 г. и привело к торжеству догосударственных, дополитических идеалов традиционного общества.

Ключевые слова: революция, традиционализм, инверсия, община, интеллигенция, русская религиозная философия, политическая свобода, народное представительство, либерализм, архаика

В последние десятилетия русская революция 1917 г. стала рассматриваться учеными социалистической ориентации как панацея, как что-то возвышенное, словно бы находящееся в некоем Золотом времени, как прогрессивное коллективное творчество народных масс и передовой интеллигенции, как начало новой гуманистической советской цивилизации. Иначе говоря, в ней увидели некую раз и навсегда данную безупречную универсальную историческую тотальность, забывая, что весь ход русской революции обусловлен предшествующим историческим процессом.

В этой связи актуальной задачей для современных исследователей является восстановление конкретного исторического явления русской революции внутри конкретной исторической обусловленности. В данном случае, говоря о феномене революции, на наш взгляд, гораздо продуктивнее было бы применять не универсалистский, но *единичный* подход при изучении исторического объекта

в рамках генеалогического метода, а именно то, что П. Вейн вслед за М. Фуко называет «прореживанием». Не восторгаться тотальностью Универсального, не рассматривать его как панацею, но выискивать *единичное*, случайное – из чего это Универсальное произошло. Не восхищаться революцией как Тотальностью, как неким *историческим априори*, как некоей Истиной, но вычленив ее реальную историческую основу исходя из генеалогической критики и «онтологического принципа единичности»: «Она [единичность. – *Е.Н.*] имплицитно предполагает, что исторический универсум в любую эпоху представляет собой не что иное, как хаос единичностей, вышедших из другого хаоса, ему предшествовавшего» [1, с. 103].

Применение единичного *прерывистого* метода в истории позволяет взглянуть на российскую революцию не как на что-то принципиально новое, но как на обусловленную закономерность российской истории, о чем мы уже писали в предыдущих публикациях [2, с. 167]. По мнению известного российского ученого А.С. Ахиезера, в российском обществе господствует модифицированный инверсионный цикл, восстанавливающий то, что уже было, но ограниченно и неполно [3, с. 123]. Согласно А.С. Ахиезеру, «массовые идеалы не изобретаются. Они вырастают из народной почвы» [3, с. 163]. Основным вопросом методологии ученого является следующий: почему после грандиозных социальных потрясений (к каковым относится и русская революция), в ходе которых «Россия вновь разметала ненавистное начальство» [3, с. 7], не происходит выхода на новый уровень *медиации* и рефлексии, но страна вынуждена изнурительно перебирать, пробовать свои старые мифы. Означенный факт позволяет отнести русскую революцию с ее тягой к исторической инверсии к революциям отнюдь не прогрессивного типа, но к традиционалистскому архаическому типу, что и отличает ее от американской и английской революций.

Американская революция не «разразилась», в отличие от русской революции, «но была сознательно совершена людьми в совместных дискуссиях и на основе взаимных обещаний» [4, с. 37] в результате того, что американская революционная конституция консолидировала власть народа, освобожденную благодаря революции, и, поскольку целью революции была свобода, явилась фундаментом свободы. В России подобный сословно-либеральный проект был просто невозможен. *Свобода* здесь никому не была нужна. Революцией двигала необходимость естественных материальных нужд и материальных благ, а не абстрактные культурные и конституционные ценности. В основе лежала организация естественного жизненного процесса в простонародном понимании, а не высокие материи либерального сознания. А.С. Ахиезер утверждает: «Выявилось, что именно либералы казались народу главным врагом. Более того, сама монархия пала потому, что царь, правящая элита повернули на путь либеральных реформ, а не потому, что эти реформы оказались недостаточно либеральными или недостаточно радикальными» [3, с. 253].

Все это направляет русскую революцию в русло догосударственного тотемического архетипа сознания, где весь мир рассматривается как скопление внешних сил, а снятие противоречий идет на дорефлексивном мифологическом эмоциональном уровне. В подтверждение своей мысли философ цитирует профессора Принстонского университета Д. Джейнса: «Тотемизм понимает жизнь человека

в виде жизни внешних стихий, а стихии принимает за людей» (цит. по [3, с. 237]). Работу этого тотемического представления мы наблюдали в одном из своих прошлых исследований на примере русской революции и Гражданской войны [5]. Суть ее состоит в том, что все проблемы снимаются раскрытием «оборотней зла» и их последующим уничтожением, попыткой разжигания массовых представлений о вмешательстве антитотема, воплощенного зла. Причем сложность медиации заключается в том, что культурная программа массового сознания может иметь утопическую, догосударственную форму (полное отсутствие ценностей большого общества в народной культуре) отчасти постольку, поскольку «в России развитие сословий не дошло до заверченного состояния, до ясного осознания общности собственных интересов» [3, с. 247]. Именно об этой стороне русской революции забывают апологеты социалистической ориентации: революция шла в абсолютном сословном вакууме.

А.С. Ахиезер, рассуждая о циклах российской истории, утверждает: «Преобладание в стране древних синкретических ценностей, согласно которым личность видела смысл своего существования, лишь растворяясь в некотором целом, партиципируя к первому лицу, неизбежно приводило к тому, что государство зависело от способности людей приобщаться к нему как к тотему» [3, с. 133]. Этот традиционалистский патернализм был характерен для русской культуры вплоть до революционных событий XX века. По мнению А.С. Ахиезера, «государству не оставалось ничего другого, как имитировать порядок, исторически сложившийся в древних локальных мирах, в патриархальной семье, с неизбежными интерпретационными поправками» [3, с. 247]. При этом, согласно американскому историку Р. Пайпсу, «преданность царю не означала взятие на себя какой-либо гражданской ответственности; более того, за нею было сокрыто глубочайшее отвращение к политическим институтам и политике вообще» [6, с. 214].

Как только в русской революции был нарушен этот древний принцип приобщения к древнему тотему – государству – тотчас же произошел неизбежный ценностный коллапс, приведший к цепной реакции разрушения государства: медиатор оказался не способным выполнить свою интеграционную социальную функцию – формирование единства общества. Отчасти это было связано с тем, что все условия и средства воспроизводства относились к сфере власти государства, а не исходили с мест, с периферии, как, например, в американской революции. Причем само государство воспринималось как внешняя злая сила. Представление о том, что сами люди в своих поступках, мнениях, правах и составляют государство (как это выразилось в событии американской революции), в России так и не сформировалось. Напротив, «западный либерализм вызревал в условиях развитого сословного общества, стремясь оторвать государственность от сословий, положить в основу государственности ответственную личность» [3, с. 249]. Все сказанное позволяет распознать в русской революции глубокий архаический пласт, отличающий ее от революций Запада.

По мнению Х. Арндт, рассуждающей об американской революции, «власть возникает там и в том случае, где люди объединяются вместе с целью действия, и исчезает, когда они расходятся и оставляют друг друга в одиночестве. Тем самым обязательства и обещания, объединения и соглашения суть способы, посредством которых власть поддерживает свое существование» [4, с. 242].

Политическое творчество ответственных граждан способно сохранить в себе однажды возникшую «власть живого действия», в которой «совместное действие людей привело к образованию власти, и эта власть поддерживалась на плаву заново открытыми средствами – взаимными обещаниями и ковенантами (договорами)» [4, с. 242]. В этом выразилось стремление американской революции утвердить новые законы, легитимизировать свои достижения.

К сожалению, в России мы видим принципиально иное: синкретическое народное сознание не может уяснить абстрактную природу закона, его независимость от человека, от представителей власти. В нашей культуре закон воспринимался всегда как чуждая внешняя сила. А.С. Ахиезер отмечает: «В России само представление о законе оторвано от представления о праве и закон расценивается как насилие власти, как нечто, навязанное властью и не имеющее под собой нравственной основы» [3, с. 140]. И в революциях XX века сохранялось положение, когда «закон для крестьян – это древняя внешняя языческая сила» [3, с. 147]. В итоге в русской революции возобладали силы уравнилельных ценностей, а не долг воссоздавать большое общество и государство. Революция, повиная циклической инерции российской истории, лишь в очередной раз привела в движение косу инверсии, срезающую всё, что выступает за средний уровень понимания народных масс: «В борьбе за уравнилельность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать всё, что лежит выше приемлемого уровня разнообразия, т. е. уничтожить сословность» [3, с. 245]. Революция показала полную несовместимость либерального и синкретического идеалов. Большевики, победившие в революции, оседлали волну народного общинного синкретизма: «Партия нового типа могла реально утвердиться лишь в результате своеобразного схлопывания, т. е. разрушения всех социальных отношений, культуры выше определенного уровня сложности, упрощения общества до относительно примитивного уровня» [3, с. 214]. В результате «освобожденный» от произвола народ не сотворил самодостаточное общество, основанное на постоянной бесконечной эманации народного творчества. По утверждению социолога, русская революция была «мощной попыткой растрезоженной общины перейти в наступление и перенести свои уравнилельные идеалы на все общество, превратить все общество в уравнилельную общину» [3, с. 405].

Таким образом, русская революция явилась триумфом традиционализма, древних архаичных уравнилельных представлений: «Традиционализм в результате заколдованного круга, раскола задержался на своих архаичных формах, где либеральные силы не смогли сделать свои ценности господствующими, где антилиберальная реакция привела к краху государственности, к катастрофе» [3, с. 401]. Триумф общины, торжество древнего вечевоего уравнилельного идеала, а вовсе не социальный оптимизм, не строительство нового справедливого государства лежали в основе революционных событий.

Обратимся к русским философам, непосредственным свидетелям русской революции. Данный ими анализ революционных событий близок либеральной историографии, рассмотренной нами выше, и также склоняется к выводу об архаическом традиционном фундаменте русского революционного процесса.

Так, С.А. Аскольдов утверждает: «Революция есть по преимуществу власть множественности над государственным единством» [7, с. 21]. И далее: «Но именно

в моменты ломки и кризисов стихия народоправства еще бесформенна. В силу этого инстинктам своеволия дается неосуществимый при всяких стойких формах простор» [7, с. 21], то есть ученый описывает здесь все ту же локалистскую традиционную стихию крестьянских миров, борющихся за свое видение Правды вопреки идеалам большого общества, когда целое овладевается «со стороны множественности». По мнению С.А. Аскольдова, «революция – это процесс, создающий неизбежность своих рецидивов. И каждый такой рецидив является роковым приближением к последнему и непоправимому уже распаду целого на части, т. е. к смерти целого» [7, с. 22]. Философ прозревает в русской революции *тьму*: «Эта тьма есть черный цвет анархии, того порыва множественности, который не хочет знать никакого целого, никакого закона, созидającego органическую жизнь, и выражает лишь эгоистическую самость каждого элемента в отдельности. <...> На такой почве невозможно органическое единство, возникающее из внутреннего тяготения каждого элемента к другим и к целому» [7, с. 27]. Этим русская революция отличалась от западных революций. С.А. Аскольдов отмечает: «Русский народ всегда был склонен и способен к бунту и мятежу, т. е. к движениям, имеющим с революцией лишь внешнее сходство. <...> Революция же есть образование гораздо более сложное, имеющее непременно под собою определенную идеологическую основу» [7, с. 36]. Иными словами, революция имеет определенную гуманитарную культурную традицию (как это было, например, в американской революции), определенное «обдуманное действие человека, действующего по убеждениям» [7, с. 37]. Но в России «народ оставался по существу чужд гуманизму, зародившемуся и пребывавшему лишь в русской интеллигенции» [7, с. 44]. Поэтому русская революция, по С.А. Аскольдову, «совершившаяся по принципу классовой вражды, будила одни лишь инстинкты ненависти, захвата и мести. В ней восстал во весь рост не просто зверь, а именно злой зверь, живший в народной душе» [7, с. 45]. При этом «русскому народу по существу не было никакого дела до социализма и вообще каких-либо теорий; ему нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего освобождение от тяжестей войны» [7, с. 48]. Таким образом, и здесь автором подчеркивается торжество уравнилельных синкретических общинных ценностей, замкнутых на самих себя, без какого-либо стремления к большому гражданскому обществу.

Н.А. Бердяев также отказывается видеть в русской революции, в этой «страшной катастрофе», нечто принципиально новое: «Многое старое, давно знакомое является лишь в новом обличье» [8, с. 55]. Религиозный философ утверждает: «В революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд. <...> Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подыметя во весь свой рост после того, как падет самовластье» [8, с. 60]. По его мнению, «революция – великая проявительница и она проявила лишь то, что таилось в глубине России» [8, с. 62]. Неразвитость, «нераскрытость личности», «подавленность образа человека» наложили свою печать на революцию в России. Кроме этого, Н.А. Бердяев выделяет апокалиптичность и нигилизм русской революции, отличающие ее от западных революций: «Апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все

исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу» [8, с. 64]. Как это разительно отличается от опыта американской или английской революций, стремящихся к исторической и правовой явленности своих установлений во имя будущего.

Следующей важной заслугой русского философа является то, что он увидел в русской революции ее безответственность и нелегитимность: «Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, у него затемнено и сознание прав, и сознание обязанностей, он утопает в безответственном коллективизме, в претензии за всех» [8, с. 79]; а также выделил максималистскую уравнивательность: «Пусть будет абсолютное уравнение, хотя бы то было уравнение в небытии! Исторический мир – иерархичен, он весь состоит из ступеней, он сложен и многообразен, в нем – различия и дистанции, в нем – разнокачественность и дифференцированность. Все это... ненавистно русской революции...» [8, с. 82]. Он, как никто другой, сумел разглядеть, что «русская революция враждебна культуре, она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благость. Русская революция хотела бы истребить весь культурный слой наш, утопить его в естественной народной тьме» [8, с. 83]. Мыслитель одним из первых заметил, что революция легко может пустить в ход косу архаичной общинной инверсии, срезающую все, что выше ее понимания. И никакие гражданские устройства и культурные приобретения не являются целью революционных масс.

Интересны и замечания Н.А. Бердяева о роли русской интеллигенции в революции: «Русская интеллигенция в огромной массе своей никогда не сознавала себе имманентным государство, церковь, отечество, высшую духовную жизнь. Все эти ценности представлялись ей трансцендентно-далекими и вызывали в ней враждебное чувство, как что-то чуждое и насилующее» [8, с. 85]. В этом нам видится идейная близость русской интеллигенции к простому народу в революции. Никакой исторической конструктивной рефлексии, никакой медиации, никакого идейного воспроизводства перед лицом разрушительных процессов и энтропии в революции русской интеллигенцией предложено не было. Н.А. Бердяев утверждает: «Русский нигилизм и есть неспособность имманентно и свободно пережить все богатства и ценности Божьего мира, бессилие ощутить себя сынами Божьими и собственниками всего наследия истории всемирной и истории родной» [8, с. 79]. В результате архаичный локализм и синкретизм оказались присущи не только миру крестьянской общины, заявившему о себе в уравнительном бунте, но и революционной русской интеллигенции, не справившейся с ролью культурного медиатора и интегратора.

Итак, в анализе феномена русской революции поразительно совпадают мнения как современной либеральной историографии и социологии, так и русской религиозной философии. Поэтому, прежде чем говорить о зарождении уникальной *советской цивилизации*, нам нужно четко представлять себе то, что было в ее начале. В частности – не уходить от катастрофичности, анархии, природной естественности и архаики русской революции, от инверсионного характера русской истории, от ее *тьмы*, от ее антицивилизационного стремления. Без этого все разговоры о социальном оптимизме, об энтузиазме революционного народа-строителя, о значении советского социалистического государства будут голословными.

Литература

1. *Вейн П.* Фуко. Его мысль и личность. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 195 с.
2. *Нагорнов Е.А.* Идея свободы в русской революции // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX – XXI вв.: Материалы V Междунар. науч. конф. (Липецк, 6 окт. 2017 г.). – Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 167–171.
3. *Ахиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – 804 с.
4. *Арендт Х.* О революции. – М.: Европа, 2011. – 464 с.
5. *Нагорнов Е.А.* Инверсионная архаика русской революции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 977–983.
6. *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. – М.: Независимая газ., 1993. – 419 с.
7. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 20–55.
8. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 55–90.

Поступила в редакцию
24.05.2021

Нагорнов Евгений Александрович, кандидат культурологии, доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин

Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде
пл. Комсомольская, д. 3, г. Нижний Новгород, 603011, Россия
E-mail: evnagor@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 4–5, pp. 230–237

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.230-237

**An Archaic Layer of the Russian Revolution
in the Ideological Field of Russian Religious Philosophy**

E.A. Nagornov

Nizhny Novgorod Branch of Samara State Transport University, Nizhny Novgorod, 60301 Russia

E-mail: evnagor@yandex.ru

Received May 24, 2021

Abstract

This paper attempts to find out how the entire preceding course of Russian history predetermined the October Revolution's outcome. With this aim, the structures and character of the Russian Revolution were analyzed by comparing the basic tenets of the theory of modified inversion cycles of historical development, introduced by the Russian sociologist A.S. Akhiezer, with the philosophical ideas of the representatives of Russian religious philosophy. It was suggested that the dominant Universalist

view of revolution, with its idealization, should be replaced by M. Foucault's singular "intermittent" method. As a result, the ideological affinity between the views of the modern liberal historical project on the Russian Revolution and the basic ideas of the philosophers of the Silver Age of Russian culture was revealed. Particular attention was paid to the "underdeveloped and undisclosed" character of personality in Russia (as understood by N.A. Berdyaev), which manifested itself most clearly in the phenomenon of the Revolution of 1917 and led to the triumph of pre-state and pre-political ideals of a traditional society. The legacy of Russian religious philosophy was reinterpreted by comparing it with the ideas of modern liberal philosophy of history.

Keywords: revolution, traditionalism, inversion, commune, intelligentsia, Russian religious philosophy, political freedom, representation of people, liberalism, archaic character

References

1. Wayne P. *Fuko. Ego mysl' i lichnost'* [Foucault. His Thought, His Character]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2013. 195 p. (In Russian)
2. Nagornov E.A. The idea of freedom in the Russian revolution. *Rossiiskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidatelei: IX – XXI vv.: Materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Lipetsk, 6 okt. 2017 g.)* [Russian Statehood in the Faces and Fates of Its Creators: 9th–21st Centuries: Proc. V Int. Sci. Conf. (Lipetsk, Oct. 6, 2017)]. Lipetsk, LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2017, pp. 167–171. (In Russian)
3. Akhiezer A.S. *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)]. Vol. 1: From past to future. Novosibirsk, Sib. Khronograf, 1997. 804 p. (In Russian)
4. Arendt H. *O revolyutsii* [On Revolution]. Moscow, Evropa, 2011. 464 p. (In Russian)
5. Nagornov E.A. An inversion archaism of the Russian revolution. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 977–983. (In Russian)
6. Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta, 1993. 419 p. (In Russian)
7. Askol'dov S.A. The religious meaning of the Russian revolution. In: *Iz glubiny: Sb. St. o russkoi revolyutsii* [From the Depths: A Collection of Articles about the Russian Revolution]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1990, pp. 20–55. (In Russian)
8. Berdyaev N.A. Spirits of the Russian revolution. In: *Iz glubiny: Sb. St. o russkoi revolyutsii* [From the Depths: A Collection of Articles about the Russian Revolution]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1990, pp. 55–90. (In Russian)

Для цитирования: Нагорнов Е.А. Архаический пласт русской революции в идейном поле русской религиозной философии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 4–5. – С. 230–237. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.230-237.

For citation: Nagornov E.A. An archaic layer of the Russian Revolution in the ideological field of Russian religious philosophy. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 4–5, pp. 230–237. doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.230-237. (In Russian)